

Звезды над Самаркандом

ХРОМОЙ ТИМУР
КОСТРЫ ПОХОДА
МОЛНИЕНОСНЫЙ БАЯЗЕТ
БЕЛЫЙ КОНЬ

Сергей Бородин

ЗВЕЗДЫ
НАД САМАРКАНДОМ

МОЛНИЕНОСНЫЙ БАЯЗЕТ
БЕЛЫЙ КОНЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 83

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

В издании используются
иллюстрации из средневековых рукописей
«Зафар-наме» («Книги побед»), «Тимур-наме»,
персидские миниатюры, европейская живопись и др.

ISBN 978-5-389-32150-2

© С. П. Бородин (наследник), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

МОЛНИЕНОСНЫЙ БАЯЗЕТ

КНИГА 3

Часть первая ОТРОГИ ГОР

Первая глава ПОВЕЛИТЕЛИ

1

Шла весна 1401 года.

Весеннее утро, ясное и доброе, разгоралось в Бурсе.

Красный попугай, опустив синие крылья, чопорно охорашивался, поглядывая из медной позолоченной клетки, свисавшей на длинной цепи в арке дворцовых ворот.

Под сводами ворот расхаживали воины дворцового караула в красных безрукавках, расшитых белыми узорами, в синих складчатых широких шальварах.

По бедрам стражей колотились короткие ятаганы. Кривые кинжалы с желтыми костяными рукоятками, подвешенные спереди на широких полосатых поясах, то покачивались, то приподнимались в лад шагам.

Под сводами ворот, в полумгле, в прохладе, ладными и статными казались молодые стражи султана Баязета, отобранные среди сербиян, состоявших в его сорокатысячной сербской коннице.

А сам султан вышел во двор дворца, обстроенный серыми стенами, прогуляться под раскидистыми ветками деревьев, где из темноты листья огненными пятнами выглядывали крупные цветы.

По краям мраморного водоема, мелкого, как блюдце, стройные растения поднимали стрельчатые листья и по-

хожие на скрученные листки белые лилии. Золотые рыбы лениво играли в мелкой прозрачной воде, касаясь брюшками дна, сплошь затянутого бурым мхом.

Султан прогуливался, а со всех сторон из железных клеток, прикрывавших створки окон, могли следить за ним через переплеты кованых прутьев и, конечно, следили — справа, из приемных комнат, приближенные и слуги, слева, из жилых покоев, жены и рабыни. И они видели отсюда: султан прогуливается один, словно пленник, туда-сюда, в тесноте каменного двора, то над водоемом, то под деревьями, любуясь, как утро разъясняется и все шире захватывает небольшой дворик своими лучами. Желтые остроносые туфли, смурывая по мраморным разноцветным плиткам, спугивали муравьев, суетливо рыскавших всюду в поисках крошек после вчерашнего пира.

Постукивала трость. Тонкий красный халат отставал от шагов, словно навстречу султану струился ветер. Чалма, накрученная высоким тюрбаном поверх острого колпака, поблескивала золотыми нитями, пронизавшими вперемежку с зелеными полосками всю ее легкую полупрозрачную ткань.

Стражи настороженно следили за каждым движением властителя. Но едва он повертывался к воротам, все замирали и опускали глаза, не смея смотреть в лицо султана.

Выпятив небольшое длинноватое лицо, полуприкрытое золотой бахромой чалмы там, где недоставало одного глаза, Баязет шел, постукивая тростью, поволакивая ногу, отчего левый туфель громче смурывал по двору.

Отступив от обычая прогуливаться только под деревьями, Баязет вдруг свернул к высоким четырем ступеням и поднялся наверх, на угловой выступ стены, откуда открывалась внизу вся Бурса с ее дворцами, мечетями, базарами, покрытыми полосатыми паласами, ханами, со всеми этими крепкими строениями, заслонявшими своими куполами, арками и островерхими минаретами все, что

недостойно султанских глаз, — улицы бедноты, хижины и лачуги.

Баязет смотрел, поворачивая лицо к югу, к востоку, где далеко, за горами, есть подвластные ему города, покорные народы, просторные земли для пастбищ, для садов, еще не посаженных, для пашен, еще не вспаханных, где будет много дел и забот, когда он наконец завоюет и подчинит себе все достойное вожделиний султана. Там где-то Багдад, Дамаск, Сивас, откуда пришли странные вести о диких полчищах хромого разбойника, который будто бы уже захватил Арзинджан и уже косится хищным взглядом в сторону Баязетовых земель и на осиротевшие города покойного Баркука.

Видно, этим летом понадобится проучить захватчиков, покушающихся на то, что намерен закрепить за собой сам Баязет. Проучить захватчиков и на их плечах въехать в... этот, как его... Самарканд!

Купцы и почтенные жители близлежащих городов с испугу прислали своих людей со слухами о том же Тимуре, якобы своих головорезов он уже повел на османские города. Но вавилонский султан Фарадж у себя в Каире отмалчивается, — видно, вознамерился сам свернуть шею Тимуре, всю добычу, ни с кем не делясь, прибрать себе. Багдад однажды так и достался этому Тимуре: военачальники не потрудились даже всех войск собрать, не изготовились к осадному сидению, на толщину стен понадеялись. И Тимур тогда забрал себе все ценности, хранившиеся в Багдаде. Столько награл, что не то барка, нагруженная золотом, не выдержала и потонула в Тигре, не то мост проломился под добычей. И поныне никто ничего достать со дна не смог. А достанься они Баязету, доньше те богатства были бы целы, украшали бы этот дворец. Ведь там, по слухам, хранились сокровища еще изначальных персидских царей, тысячелетние. А купцам... Чего им там опасаться, чего робеть? Охрана им дана отсюда, Баязетом, послана туда из-под самого Константинополя. Баязетовых

воинов Тимур, не подумавши, не дерзнет коснуться — Баязет ему не какой-нибудь правитель Багдада, не вавилонский султан, у Баязета весь мир под ногой.

«Весь мир, весь мир», — усмехнулся одной щекой султан, переходя на правую сторону стены.

Теперь он смотрел, как глубоко внизу протянулись, переплетаясь, улицы. Вдали, словно клочья серого бархата, темнели сады. Каменщики возводили тонкий, как копье, минарет возле мечети, которую он перестраивал из греческой церкви. Слева, перед сводом базарных ворот, стояли верблюды новоприбывшего каравана. Какие-то всадники в полосатых бурнусах, не сходя с седел, переговаривались с торговцами. По ту сторону, за Дамаском, около Багдада, в таких полосатых бурнусах расхаживают халдеи, вавилонские христиане, вавилонские арабы, бывшие христианами уже в те времена, когда пророк Мухаммед еще не возгласил Корана. Оттуда, видно, и прибыл караван.

Вскоре Баязету наскучило разглядывать однообразную, изо дня в день неизменную утреннюю жизнь города, и, опуская со ступени на ступень правую ногу, которую он имел привычку приволакивать, но вполне крепкую, султан боком сошел во двор.

Начинать прием, погружаться в дела еще не хотелось. Он, смутив покой стражей, из-под деревьев пошел прямо к воротам и у самой арки остановился перед клеткой попугая. Остановился не без затаенной робости перед говорящей птицей, подозревая, что каждое ее слово таит вещей, магический смысл.

Попугай, почистившись, грыз семечки тыквы, и его клюв был облеплен шелухой. Попугай покачивался в позолоченной клетке. Этой зимой его подарили султану морские разбойники, веселые пираты, заплатив большую дань за право после ограбления генуэзских кораблей причаливать в укромных скалах на османском берегу. Даря, рассказывали, что прежде попугай этот плавал на торговом

корабле, но заодно с незадачливыми испанскими мореходами достался в добычу, был отвезен в Магриб и провел лет десять на острове Джерба в старой крепости, стоявшей у самой воды. Пираты десять лет ждали выкупа за испанских пленных, и, сидя с хозяином в подвале, попугай десять лет твердил испанские слова. Оттуда, покидая Джербу, один из разбойников прихватил и своего попугая. И через все Средиземное море провез его до Бурсы в подношение султану.

Баязет, насупив лохматые брови над серым носом, смотрел на попугая, такого круглогозлого, с кривым клювом, отчего казалось, что он всегда удивлен и всегда смеется, пока тот наконец встряхнулся, прервал еду и, насмешливо вскинув голову, крикнул:

— Арау! Арау!..

«Хочет сказать „араб“! — догадался султан. — Что он этим вещает? Арабы кругом, я это сам знаю».

Покорно постояв еще перед покачивающейся клеткой, задумчиво постукивая палочкой, ушел во дворец: наступало время приема, и вот-вот ворота придется открыть.

Он поднимался по широкой лестнице на другую сторону дворца, шел галереей, откуда еще шире открывалась теснота города, и гадал: «Что изрекла вещая птица? Какое остережение, какой совет на грядущий день? Не пойму, какой араб?»

Вера в прорицания, магические числа и тайные знаки перемешалась в уме султана со многими приметами и поверьями, перенятыми в детстве от родичей, в юности от разноплеменных воинов, среди которых его растил отец — могущественный султан Мурад, потом от своей султанши — сербиянки, дочери сербского царя Лазаря.

Чем больше запоминалось разных примет, тем крепче, казалось ему, противостоит он прихотям судьбы и случая. Но сильнее всего этого в нем жила вера в Аллаха. Правда, жила она наравне с верой в благоприятное сочетание звезд,

на всю жизнь предрекшее ему удачу во всех делах, походах и замыслах. Счастлирое сочетание звезд исчислили ему астрологи в тот час, когда он впервые шевельнул свою колыбель, и по желанию могущественного султана Мурада написали это золотом на пергаменте. Эти многие веры и поверья могли толковаться как знаки предостережения или ободрения, исходящие от самого Аллаха, как полагал султан.

Случалось, он кидался в битву, не дождавшись, пока войско надежно устроится, твердо веря, что победа давно предрешена благоприятными знаменьями. И победы всегда доставались ему.

Он никак не мог заглушить беспокойства, смутной тревоги, раздумывая над криком попугая об арабах, которые всегда жили вокруг, занимаясь какими-то своими делами.

«В чем остерегает нас вещая птица?»

А стражи, рослые, беспечные сербияне, землю которых подчинил себе еще отец Баязета, досмотрев, пока султан вошел во дворец, и повеселев, что он ушел, обступили клетку, совали сквозь прутья пальцы, тыкали в клюв попугая и смеялись. А попугай взмахивал хохолком, откидываясь от них, и вскрикивал:

— Апп... Апп...

2

Весеннее утро, расстелив и развесив черные шали теней по всему Мадриду, ударило в стены и окна королевского дворца.

Через узкие окна в сумрак дворцовой залы вонзились пять лучей, как пять стальных мечей, рассекая на части всю эту большую безмолвную залу.

Ногой, туго обтянутой черным шелком, упершись в ступеньку трона, дон Энрико, король Кастилии, стоял, полуобернувшись к своему послу.

К скрученным свиткам посланий были подвешены большие королевские печати, свитки вложены в синие бархатные чехлы, расшитые серебряной ниткой, и посла удостоили чести, призвав во дворец, принять свитки и откланяться королевской особе перед дальней дорогой.

Далеко позади посла в черных камзолах, перекинув через руку черные плащи, замерев, стояла его свита, будущие его спутники. И теперь, в присутствии короля, старый, охрипший от спеси королевский секретарь, покачивая на ладонях оба свитка, словно взвешивая их, изустно излагал последние напутствия и наставления, будто читал неразборчивый манускрипт, как, блюдя достоинство, славя величие и могущество королевского кастильского дома, выведать и выманить у османского султана Баязета все выгоды, какие станет возможным извлечь из этой дикой, разбойничьей, пиратской, языческой, богомерзкой земли для украшения христианнейшей кастильской короны.

Дону Энрико исполнилось двадцать два года, но его королевский возраст исчислялся не со дня рождения, а со дня воцарения того предка, от коего вел свой род и наследовал корону сей сын и внук королей Кастилии и Леона из династии Трастамара.

С любопытством и не без тайной зависти слушал молодой король напутственную речь секретаря, ибо послу суждено увидеть лазоревые волны морей, диковинные страны и города, неведомые народы и самого султана Баязета, владевшего неисчислимыми сокровищами, награбленными в битвах с христианами в покоренных благочестивых государствах. Опасный султан, не побоявшийся греха распотрошить крестоносное воинство самого папы римского! А у короля Кастилии на всю жизнь одна дорога — от стены до стены внутри своего хмурого, величественного обиталища.

Королю еще не посчастливилось ни одержать знатных побед, ни приобрести какую-либо добычу. От отца-короля, и от деда-короля, и от иных венценосных предков в сунду-

ках не сбереглось ничего, что можно было бы поименовать сокровищем, хотя почернелый дуб сундуков был окован тяжелыми скобами, хотя замки на сундуках были тяжелы. Ежевечерне трое высокопоставленных вельмож, предшествуемые полыхающими факелами, сопровождаемые вооруженным конвоем, спускались в подвал и дергали каждый замок на каждом из многочисленных сундуков, в которых давно покоились лишь паутина, тьма да какие-то тленные лоскутья, в коих когда-то что-то было завернуто. Вечерний дозор, поднявшись из подвала, затворял за собой кованую дверь, и трое вельмож, галантно содействуя друг другу, навешивали на засов грузный толедский замок, изображавший льва, где дужкой служил львиный хвост, а ключ, украшенный поперх стали позолоченной короной, несли в королевские покои, где сам коронный казначей с поклоном вешал его на бронзовый крюк над кроватью у королевского изголовья, а возле кованой двери на всю ночь ставили караул. Всю ночь напролет караульные перекликались и, гремя оружием, шагали из конца в конец по мглистому душному коридору, от факела до факела, чадивших по одному в каждом конце коридора, настораживаясь, когда проходили мимо двери, низенькой, кованой, поблескивающей вычеканенным из желтой меди гербом, хранившей сокровищницу кастильских королев.

Посол, склонив смуглое мускулистое лицо с приплюснутым носом, слушал, исподтишка разглядывая короля, золотые кружева поперх белого бархата. На тонком золотом поясе длинный узкий кинжал в черных ножнах. Черная челка подрезана чуть выше бровей. Пристальный, нетерпеливый, как у застоявшейся лошади, круглый глаз. Длинная худая кисть руки с тонкими кривыми пальцами то сжимает, то распускает обшитый золотым кружевом розоватый платок.

Как тупое гусиное перо по дешевому пергаменту, скрипел голос секретаря:

— Надлежит внушить, что могущественнейший, милостивейший наш король проявит свое благоволение султану, буде сей Баязет издаст указ о достойной плате за наши товары и повсюду откроет проезды нашим купцам.

Надлежит добиться, чтобы золото за наши товары сей султан уплатил теперь же, не дожидаясь, поелику наши товары впоследствии по соизволению всемилостивейшего нашего короля будут посланы.

Надлежит получить плату золотом, в слитках ли, в чекане ли, но без примеси.

Надлежит предложить султану воинскую помощь в его дерзких, но успешных завоеваниях... Мы можем послать ему из нашего войска... — Королевский секретарь, повернувшись к дону Энрико, как бы оценивая все значение этой помощи, торжественно возвысив голос, огласил великодушную щедрость короля: — Пятьсот человек!

Король кивком благосклонно подтвердил это число, и старик по-прежнему скрипуче, но самодовольно пояснил:

— Но прежде султану надлежит обязаться обеспечить при дележе добычи равную долю нашему королю...

Эти наставления посол уже знал наизусть. Ему повторяли их в различных высоких палатах, чтобы наконец в последний раз напомнить при короле.

Когда все было сказано и дон Энрико, кивнув, закончил прием, посол, опустившись на одно колено, склонил голову на прощание, а дон Энрико, снисходя к немислимо далекой и опасной дороге, простирающейся перед его подданным, позволил ему поцеловать руку. По губам посла скользнул королевский платочек, пахнувший мятой.

Посол, пятясь, отступил от трона.

В конце залы его ждали будущие спутники, также удостоенные милости откланяться своему королю Генриху Третьему Кастильскому. Они все поклонились.

И, кланяясь, отступили на шаг.

Коснувшись пола широкополыми шляпами и при сем опустив глаза в покорнейшем поклоне, снова отступили на шаг.

Отступив еще на шаг, они снова касались пола этими твердыми черными широкополыми шляпами и опускали глаза в покорнейшем поклоне, пока не отошли наконец за порог залы, где облегченно выпрямились, надевая шляпы, и, мизинцами с нарочитой небрежностью встряхнув кружева на воротниках, последовали к выходу на любезном расстоянии позади посла.

Ушел, высоко вскинув горбоносую голову, королевский секретарь, неуверенно ступая усталыми ногами и при каждом шаге взмахивая рукой, будто не по зале шел, а спрыгивал по лестнице.

Только король остался, не шевелясь, один.

Он смотрел в окно, где зеленоватое небо слегка заглохли, грустно покачиваясь, вершины больших деревьев.

3

Весеннее утро взглянуло прозрачной синевой из-под белой пушистой шали на заснеженную Москву.

В трапезной палате великого князя Московского погасили свечу на столе, с которого слуги убрали остатки заутренней трапезы.

Василий Дмитриевич приостановился на лесенке, услышав во дворе неурочный скрип ворот, многоголосый говор и хруст полозьев по наледи. Кто-то въезжал на великокняжеский двор. Но сквозь заледенелое окно двор не был виден.

Василий сошел на несколько ступенек ниже и по мохнато-домодельному ковру неслышно прошел в сени, откуда и глянул через стекольчатое оконце во двор.

Весь двор, оказалось, заполнен людьми. Слуги еще держали факелы, уже неуместные среди белого, светлого утра.

Вдоль стен стеснились Васильевы стражи, а среди двора остановились приземистые крутые возки, и вокруг возков, спешившись, топтались ордынцы в лохматых малахаях. Трое московских бояр в длинных шубах и стоячих шапках высились возле крыльца, а из возка, барахтаясь в просторных тулупах, вылезали двое юношков. От другого возка к хоромам уже шла низкорослая женщина, шла вразвалочку, выпятив живот и раскачивая курносое, непомерно щекастое лицо.

— Чтой-то за валенок шествует? — спросил Василий у появившегося Тютчева.

— Из сокровищницы Тохтамыш-хана государыня, по имени Башня Услад.

— Кхе!.. — хмыкнул Василий.

— Москве на сбереженье прислал Тохтамыш-хан двоих малолетних царенышей и сию младшую из жен, самую любезную ханскому сердцу.

Тут же, опашнув всех морозной свежестью, ввалился гостейный пристав Шеремет, прискакавший впереди ордынского обоза, коему выезжал навстречу к заставе.

Он, поклонившись Василию, поклонился Тютчеву:

— Вот, вострел. Привез. В полном здравии.

— Благодарствуем! — ответил Тютчев.

— Царица, батюшка, брюхата, а поворотлива. И разговорчива вельми. Любопытствовала по дороге, по многу ль наши бояре жен заводят. А как заверил я, по одной, мол, очень она наших жен пожалела: «Что за жизнь им, когда они живут по одной!»

Тютчев покосился на великого князя и насупился было: неуместно попусту язык распускать в сенях у великого князя, да еще при самом при нем.

Но Василий был добр к мужским беседам.

— Пожалела?

— Жен наших, что по одной живут! — удивленно и словоохотливо повторил Шеремет, возбужденный ездой,

необычными гостями и тронутый простотой великого князя.

— От жадности они, что ль, по стольку-то жен набирают?.. — поддержал беседу Василий.

— А я разумею, от слабости. Как, бывало, жил в Орде, нагляделся: не крепкие мужики. Право, нет, не крепкие. Оттого у них и жен помногу — на одну сил надо больше, одну от избытка сил любишь. А когда их не одна, к ним можно и с малой силой пройтись: они новизной влекут, переменой тревожат. А когда в тебе сила полна, ее попусту тревожить незачем, она сама тебя туда погонит. Я так примечаю: коль слаб мужик, тогда ему новинка нужна, чтоб тревожила.

— Эх, Шерemet, Шерemet!.. — вздохнул Василий и пошел назад в терема, распоряжаясь Тютчеву: — Приглянь, как их разместить. В монастырь бы их на постой, да не христи. Видно, уж тут приветим.

— Челяди с ними много.

— А челядь на гостиный двор спровадь.

Ободренный благорасположением Василия Дмитриевича, Шерemet не отставал и сказал Тютчеву:

— Как ехали, царица поговаривала: будь, мол, хан этот Тимур не столь далеко, Тохтамыш искал бы его помощи против Едигея, а как ныне Тимур в далеком походе, Тохтамышу не на кого, кроме Москвы, опереться; кроме негде любви искать.

Василий ответил за Тютчева:

— Да уж... наша любовь накрепко при нем.

Тютчев улыбнулся, но Шерemet от души поддержал:

— Воистину, государь, воистину!

Тютчев, стесняясь, что Василий не отсылает Шеремета прочь, сам решился:

— Глянь, Афанасий, как их устраивают. Гости ведь. Не обидели б чем невзначай.

Едва Шерemet отстал, Василий спросил Тютчева:

— Что там у них, в Орде, нынче?

— В Тохтамышевом обозе и мои люди прибыли, да ведь не поспел расспросить: не мог сразу отозвать их от обоза.

— Тимур этот нынче в походе. Далеко пошел. Надо б позорчей взглядеться, каковы там дела, ведь они с тылу у Орды, от них Орда либо крепче, либо слабже.

— Там мои люди сидят, шлют вести при случаях.

— Каковы люди-то?

— Люди ремесленные, торговые. Есть и в Гургене, и в Букаре, и в самом ихнем Сумарканте. А передают через Гурген: там наши торгуют.

— О войне, о походе, обо всяком этаким вестей у нас довольно. А вот чему они учены, в чем ихняя душа, этого не ведаем. Чего ради народ воинствует?

— Ради чего? Хан небось за-ради добыч, а народ за-ради послушания.

— Не то, не про то говоришь. Народ виден, когда созидает, а не когда рушит. В чем их созидание?

— Таких вестей нам не шлют.

— Про то и говорю. Надо заслать туда людей, чтоб уразумели разум того народа.

— Таких людей похода не изыщешь.

— Изыщи. И чтоб языку ихнему был знаком. И чтоб знанием и разумением был крепок, дабы, взглядевшись, изъяснил бы нам суть знаний их, каков их разум и помыслы. Ась?

— Меж купцов таких не видать. Язык разумеют, да книг не чтут; другие книгочеи есть, да чужих языков не ведают.

— А ищи не промеж купцов, не по сермягам. Прикинь по боярским хоромам, по монастырским кельям.

— По монастырям? — вдруг встрепенулся Тютчев. — Надо помыслить!

— Сыщи, Тютчев. Да вскоре! Да и не одного. Стезя там негладкая. Один споткнется, другой пройдет, третий дале того достигнет. Велика будет честь, кому это дело дастся.

Ищи. А к ханше надежных служанок приставь, порасслу- хать обо всех ихних суетах, оказиях, думах. Ханша у Тох- тамыша в любви, он ей небось высказывал тайные думы. Сама тож нагляделась на все нынешние Тохтамышевы за- теи, да и на Едигеевы доблести. Бабы, как разговорятся, са- ми не смыслят, что несут: бывает, мусор накидают, да впе- ремежку с жемчугом. Сумей разберись. А Тохтамышевым выюношкам наставников отбери с разумом, чтоб выюно- ши внимали им, а потом и выюноши наставникам свое скажут. То же и промежду ордынцев, как на гостином дворе заскучают, много всего скажется. Но Орда нам дав- но вся насквозь видна. А ты порассуди поскорее об смыш- леных людях, да и отважных, чтоб в Тимурову даль за- слать.

Тютчев пошел через сени к крыльцу, а Василий — в Ма- лую палату, где слушал бояр и рядил суд, когда тяжелы- ми, но поспешными шагами, возбужденный, его нагнал вернувшийся Тютчев.

— Государь! Дозволь в ту Тимурову глухомань заслать верного человека.

— Нашел?

— От сердца своего, для-ради отечества, на поклон Москве.

— Ась!

— Самого мне кровного, как себя самого. Как на подвиг.

— То и есть подвиг. Не в том честь, чтобы сгоряча про- тив вражьего копья грудь выставить. Крепче есть подвиг, что исподволь, в молчании, изо дня в день супротив ко- пий, промежду мечей, как на Голгофу, восходит. Великий подвиг! Может, неведом никому останется, но без тех не- зримых не бывает зримого подвига. Бывает, слава одному достанется, но честь — им всем поровну, и тем, что победу трубят, и тем, что молча ее готовили.

Василий замолчал и шел, ожидая, чтоб Тютчев ска- зал сам.

Бородин С.

Б 83 Звезды над Самаркандом : Молниеносный Баязет ; Белый конь : романы / Сергей Бородин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 672 с. + вкл. (16 с.). — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-32150-2

Амир Тимур намеревается присоединить к своим бескрайним владениям еще один сладкий кусок — Китай, где недавно почил император, грозный гонитель мусульман Тайцзун, а его наследник еще не укрепился на троне. Но повелителю мира не дает покоя растущее величие Османской империи. И султан Баязет Молниеносный не тот сосед, которого можно со спокойной душой оставить за спиной, поворачивая армии на Восток. Прежде чем будет покорен Китай, следует привести к повиновению Турцию. Мир прольет еще немало слез и крови по воле своего повелителя, но звезды в небе смеются над планами владык...

Масштабная историческая сага Сергея Бородина о великом завоевателе, подчинившем своей железной дланью страны от Индостана до Средиземного моря, стала плодом не только глубокого изучения автором истории, быта и нравов эпохи, но также искренней любви к Востоку и его богатейшему культурному наследию. Стремясь к точному и объективному отображению эпохи Тимура, писатель прошел дорогами, по которым Железный Хромец вел свои войска. Он выезжал в Италию, Армению, Азербайджан, Грузию, Афганистан, Иран, Ирак, Сирию, Турцию, Северную Африку, Югославию, работал в книгохранилищах Египта, Турции, Туниса. Немало часов провел в знаменитой библиотеке Ватикана в Риме. Работа продолжалась больше двадцати лет, и результатом стал цикл романов, четвертый из которых писатель не успел завершить. Но «Звезды над Самаркандом» ярко засияли на литературном небосклоне, и еще ничто не затмило их по силе художественного отображения эпохи и верности историческим источникам.

В настоящее издание вошел третий роман цикла: «Молниеносный Баязет» и главы неоконченного романа «Белый конь».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ БОРОДИН

ЗВЕЗДЫ НАД САМАРКАНДОМ

МОЛНИЕНОСНЫЙ БАЯЗЕТ

БЕЛЫЙ КОНЬ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Ольга Золотова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 11.03.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 42,14 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-41441-01-R